

*Из записной потёртой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду...*

Александр Трифонович ТВАРДОВСКИЙ

**Только не подумайте, что автор взялся
тягаться с Большим Русским Поэтом...**

А вот ещё одна судьба, которая не идёт у меня из головы в последнее время...

Среди самых разных учёных, которые понаехали в Городок при его образовании (в основном, — из столиц) были физики-криогенщики — люди, интересующиеся, что станет с веществом при понижении его температуры до так называемого абсолютного нуля, что-то около - 273°С.

Так уж вышло, что в качестве сначала «гаражного», а потом компьютерного «профессора» я познакомился с некоторыми из них и стал невольным свидетелем событий «низкотемпературной жизни» в течение последних трёх или четырёх десятков лет. Конечно, свидетелем поверхностным, например, никто из моих знакомых не смог (или не захотел) рассказать о существовании своей работы или перспективах применения её результатов. Впрочем, данное заявление вполне можно объяснить моей собственной физической необразованностью или тупостью: ведь до сих пор не могу понять существо даже такой «простой» формулы, как $E = mc^2$.

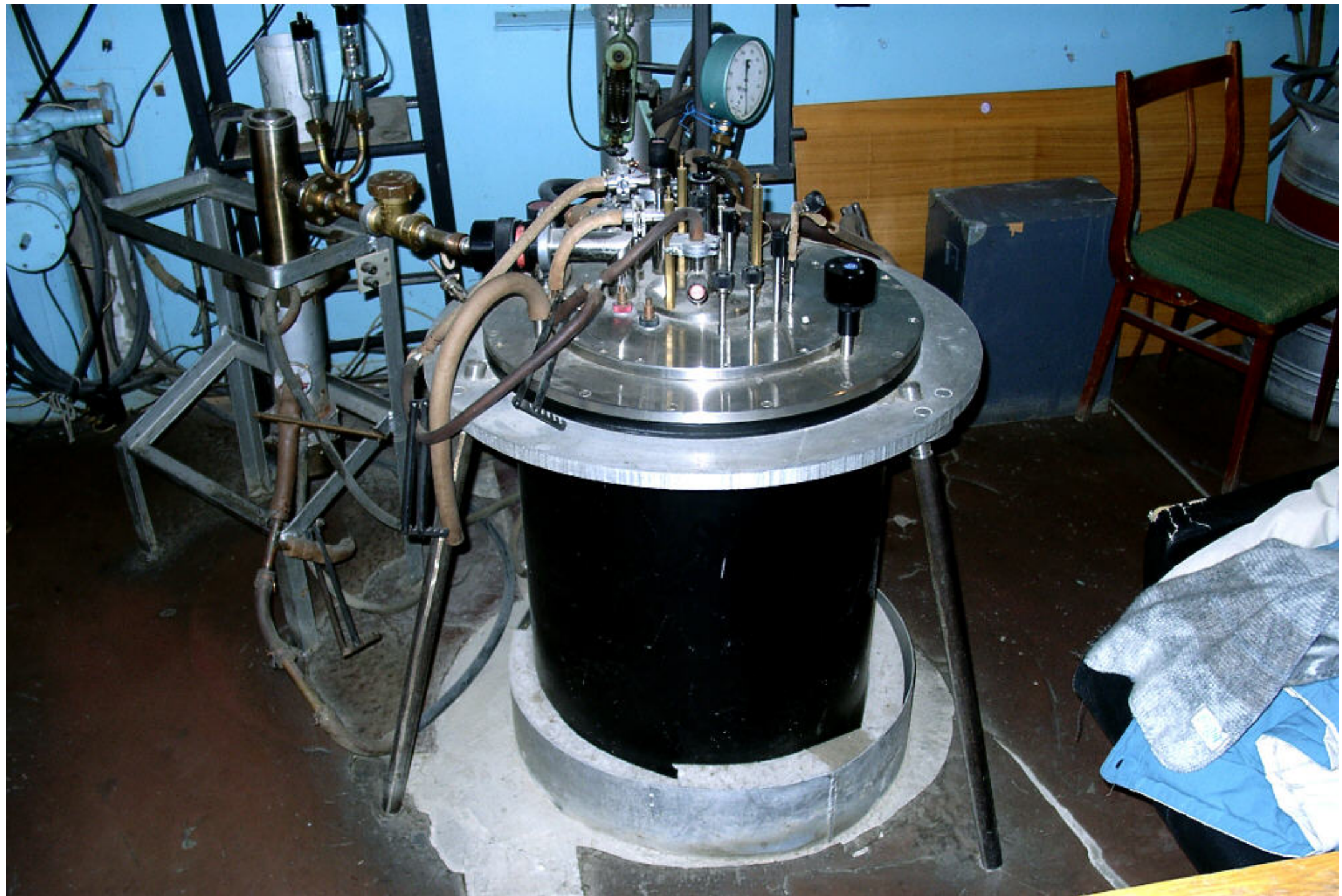
В равной степени не знаю предысторию появления «криогенщиков» в Городке, не исключено, что она как-то связана с деятельностью самого

знаменитого из них — П.Л.Капицы.

Для размещения криогенщиков был построен (разумеется, не в самом престижном месте — на нынешнем проспекте Лаврентьева, а на задворках) специальный небольшой корпус, который так и называется — Криогенный. В его сараевидных помещениях установили необходимое оборудование, конечно, не такое громоздкое, как те же ускорители элементарных частиц у «ядерщиков», но всё же. Центральным элементом каждой установки являются толстостенные металлические «бочонки» примерно метровой высоты, посмотрите на следующей странице.

К «бочонкам» с разных сторон (и с потолка — тоже) идут многочисленные трубки и провода, а на потолке обязательно присутствует небольшая кран-балка: руками такие тяжести особенно не поворачиваешь.

В семидесятые и восьмидесятые годы прошлого века к этому оборудованию добавились советские полуремесленные средства компьютерной обработки результатов эксперимента, их снимок также прилагается, чтобы вы воочию представили себе обстановку «страны», о которой идёт речь.

Однако, упомянув 70-е и 80-е годы, мы несколько забегаем вперёд: до них ещё нужно дожить.

Как и многим другим группам новосёлов Городка, криогенщикам не повезло: их лидер чем-то не угодил основателю – М.А.Лаврентьеву. Но если хирург-кардиолог Е.Н.Мешалкин, аэродинамики С.А.Христианович и В.В.Струминский (список можно продолжить) находились с Председателем примерно в одной весовой «академической» категории, с лидером криогенщиков дело обстояло не так, и он просто покинул Городок и своих коллег.

(...Не зная всех деталей подобных дел, да они вряд ли документировались, воздержусь от указания конкретных фамилий, дат и т.д.)

«Лидер» пропал, а корпус и люди в нём остались. Видимо, масштабы уже настроенного и заселённого не позволяли отправить всех вместе с глаз долой.

В Т-образной одноэтажной пристройке шумели станки, вытачивая из практически бесплатных металлов всё новые штуковины, периодически к зданию привозили баллоны с гелием (без него не спустишься к этому самому «нулю»), шли

эксперименты, семинары, симпозиумы, защиты диссертаций и так далее.

В административном отношении криогенщиков пристроили к Институту неорганической химии (!), нетрудно сделать выводы о возможностях и качестве научного руководства «сверху» при такой организации.

«Спускаясь» с этих малодоступных мне высот (на другой, замыкающий, фланг), не удержусь упомянуть одну особенность отечественного способа организации и обустройства подобного рода исследовательских заведений, немало насмотрелся в Городке.

По-видимому, с самого начала проектирования предназначенных для этой цели помещений (неспроста назвал их «сараевидными») **никто** не задумывался о проблеме уборки и наведения хотя бы элементарного порядка. К грязным окнам с деревянными рамами просто нет доступа, и они с каждым годом всё хуже пропускают дневной свет. Получающие гроши уборщицы недовольно размахивают швабрами только на доступных участках покрытого непонятно чем пола. Отовсюду свисает бытовая и техническая проводка, а также всевозможные осветительные приборы (огромные, покрытые пылью, – под потолком).

И просто в здравом-то уме касаться всего этого не стоит, не то что за копеечную зарплату.

Добавьте ко всему сибирскую холодрыгу долгими зимами, когда не то что приборку, и ничего другого делать особенно не хочется.

Не в обиду мои друзьям и соотечественникам будь сказано, всё это безобразие накапливается постепенно, со временем, и люди незаметно адаптируются к нему. Так что не обращайтесь внимания на мои снимки: они выполнены в щадящей манере по отношению к хозяевам...

Возвращаемся к более существенным вещам.

Пока автомобили с баллонами гелия подъезжали к корпусу, всё шло, вроде бы, своим чередом. Но с наступлением «кипилизма» обнаружилось, что гелия в атмосфере Земли чрезвычайно мало, а его добыча и сжижение для каких-то учёных стоит безобразно дорого. Практически не видел больше весёлой суеты, сопровождающей подготовку и проведение экспериментов, но ход научной жизни в этих новых условиях должны комментировать сами знающие люди.

Замечу только, что толщина слоёв пыли и грязи на всё меньше используемом оборудовании естественно возрастает, исключение составляют

только расставленные повсюду компьютеры и их прилада. Понятно: без этих информационных машинок ни статьи, ни отчёта, ни заявки на т.н. «гранты» не составишь.

...Что-то я всё про объекты материального мира, ведь обещан рассказ о Судьбе Человека.

На самом деле совсем незнакомый мне человек – назовём его К. – провёл свою жизнь среди вышеописанных железок и не очень чистых бетонных стен. По отзывам коллег, он был талантливым экспериментатором и, в положенные сроки, стал сначала кандидатом, а потом и доктором соответствующих наук. Но – как часто случается – без талантов в сопредельных областях научных занятий. Например, лекции он читал как бы для себя, а ведь известно, что это не лучший способ общения с ленивой студенческой братией. Да ещё и в непрестижной области, где нынче цель половины слушателей – просто получить проходную бумажку для совсем других занятий.

Вдобавок, в последние годы здоровье не позволяло К. посещать удалённый от жилой зоны корпус чаще 2-3 дней в неделю, какие тут лекции по расписанию.

Наверное, не наблюдалось и достаточной шустрости в изготовлении научных статей, а именно по ним в последние годы всё больше оценивается труд учёных и рассчитывается вознаграждение. От греха подальше, доктора наук перевели в инженеры (там при аттестации не требуется статей), не заставляя же его существовать только на пенсию...

Все эти заметки основаны на обрывках случайных разговоров о чужом для меня мире. Так что, по большому счёту, им можно и не придавать особого значения.

Молчаливый, не очень здоровый, человек тихо перемещался по привычному миру.

Меня привлекли к сборке и настройке для него более или менее современного компьютера (после допотопного 286-го). Запомнилось, как он бережно рассматривал новый инструмент.

...Что-то у меня получается всё менее связный рассказ. Пора его кончать, тем более, Жизнь уже распорядилась с этим.

Вне стен Криогенного корпуса идёт всё больше изменяющаяся жизнь. Например, вместо единственного автомобиля «ЗИМ» у академика Лаврентьева (как полагали тогдашние проектировщики), по Городку мчатся сотни и тысячи всё более мощных и скоростных легковых автомобилей.

С одним из них не удалось разминуться К.

Нет, он переходил улицу по пешеходному переходу, перед которым остановились автомашины. Но не на всех проездах. А в «дыру» с перекрытым боковым обзором, напротив которой шёл замешкавшийся учёный, мчался куда-то торопящийся...

Не стану определять этого «человека», да и ситуация предельно известная людям, мало-мальски знакомым с отечественным дорожным движением.

От удара доктора наук (совсем как и любого другого человека) с переворотом в воздухе подбросило вверх, после чего жить он уже не смог.

...Впоследствии, на милицейских бумажках никакого замера тормозного пути не оказалось, да, наверное, никакого торможения и не было. А скорость движения лихача, конечно, проставлена 40 км/час.

О безобразном случае продолжают писать местные газеты, но преступник разгуливает на свободе и, видимо, не расстанется с ней...

Сталин, якобы, говаривал: «Нет человека, и нет проблемы».

Врал, скотина.

К. нет на свете, а что-то постоянно свербит во мне.

Нестерпимо.

*© Владимир Вениаминович Брыскин.
Издание автора. Новосибирск. 2007
E-mail: vvbrys@mail.ru
<http://www.math.nsc.ru/LBRT/k5/brys.html>*